

АНДРЕЙ МАЙДАНСКИЙ

Восхождение к идеальному

Категория идеального образует ось, вокруг которой все время вращалась мысль Э. В. Ильенкова. Идеальное и его феномены он считал единственным настоящим предметом философии. Философия — это наука об идеях и идеальном. Другого предмета у нее нет. Категорию идеального — в разных ее ипостасях: формы стоимости, личности и таланта, общественных идеалов и, конечно, в ее собственно логической форме — Ильенков и исследовал в течение всей своей жизни.

I

В конце 50-х Ильенкова наряду с другими сотрудниками Института философии привлекли к проекту издания «Философской энциклопедии». При подготовке второго тома он исполняет уже обязанности внештатного редактора раздела диалектического материализма. В этом томе появились сразу семь его статей, в числе которых были «Идеал» (первая часть) и «Идеальное»¹.

В те времена разговоры об идеальном принято было начинать ритуальным цитированием Послесловия ко второму изданию «Капитала» Маркса: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»².

¹ В конце 50-х писатель Игорь Забелин, увлекшись «ноосферной» космологией Вернадского, призвал ученых к созданию теории идеального — «идеальнологии». Идеальное понималось им как свойство нервной ткани. «В личных беседах мне удалось убедить моего друга философа Э. В. Ильенкова взяться за общемировоззренческую разработку проблемы идеального», — вспоминал Забелин, — в результате чего и была написана статья «Идеальное» для «Философской энциклопедии» (Забелин И. М. Человечество — для чего оно? М.: Советский писатель, 1970. Очерк 2).

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 50 т. М.: Политиздат, 1955–1981. Т. 23. С. 21. «Das Ideelle nichts andres als das im Menschenkopf umgesetzte und übersetzte Materielle» (Karl Marx / Friedrich Engels. Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1962. Bd. 23. S. 27).

От этой формулы, конечно, веет радикальным материализмом. Проблема в том, как понимать это «преобразование» (или, может быть, «перевод»? — *Übersetzung*) и, как ни странно это звучит, что такое «человеческая голова»? Ильенков настаивал, что *человеческая* голова эта — орган *культуры*, а не *натуры*. Идеальное не скрывается в черепной коробке. Его телом, помимо мозга, является любая созданная человеком для человека вещь. Все, что попадает в круг человеческой деятельности, получает печать идеальности, становясь на то время, пока длится деятельность, жилищем и орудием идеального.

Ильенков определял идеальное как «наличное бытие внешней вещи в фазе ее становления в деятельности субъекта»³. Это форма деятельности, копирующая форму вещи, или же форма вещи, отделившаяся от самой этой вещи в процессе человеческой деятельности. Существует идеальное лишь в самый момент превращения формы вещи в форму деятельности и обратно. Как только человеческая деятельность прекратилась, в тот же миг угасает и идеальное.

Идеальное — это субъективное бытие предмета, его небытие в себе и бытие в другом и через другое. «Это то, чего нет и что вместе с тем есть... Это бытие, которое, однако, равно небытию»⁴. В гегелевской логике имеется подходящий термин — *иноебытие* (*Anderssein*). Маркс, описывая идеальную форму стоимости в «Капитале», воспользовался латинской идиомой *quid pro quo* — одно вместо другого.

Формы выражения идеального разнообразны, как сама природа. Нет в мире вещи, в натуральном теле которой не могло бы поселиться идеальное, и равным образом природа всякой вещи может быть выражена в идеальной форме. В этом смысле идеальное есть бесконечный и вечный атрибут Природы. Слова и числа, деньги и моральные заповеди, категории логики и художественные образы — всё это феномены или, если угодно, модусы идеальной реальности. Все их, вместе и по отдельности, исследовал Ильенков.

II

В 1968 году в «Вопросах философии» (8, с. 125–135) появилась статья Д. И. Дубровского «Мозг и психика», штурмовавшая ильенковскую теорию идеального и родственные ей взгляды другого философа — Ф. Т. Михайлова. Так началась затяжная полемика о природе идеального, не окончившаяся по сей день.

Для Дубровского «идеальное» — полный синоним «субъективного», некая психическая реальность, с одной стороны, отражающая внешний, материальный мир, а с другой, «информационно изоморфная» состояниям человеческого мозга.

³ Идеальное / Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 222.

⁴ Там же.

На мой взгляд, Дэвид Бэкхерст льстит Дубровскому, находя, что «идея “субъективной реальности” у Дубровского воспроизводит основные черты картезианского понятия “я”»⁵. У Декарта дух понимался как особая мыслящая субстанция, кардинально отличная от материальных вещей и событий, в том числе и от состояний мозга; тогда как Дубровский считает мышление функцией «нейродинамических структур». Это вполне обычный, чтобы не сказать вульгарный, материализм и эмпиризм, по сравнению с которым картезианский дуализм духа и тела был важным шагом вперед.

Спустя всего три месяца «Вопросы философии» напечатали ответ Ильенкова Дубровскому — «Психика и мозг»⁶. Понятия идеального как такового он тут не касается⁷, предпочитая вести речь о таких модусах идеального, как *личность, талант и гениальность*. О том, в какой мере жизнедеятельность человека объясняется его психофизиологией и в какой — общественными обстоятельствами и культурой.

В это самое время все внимание Ильенкова поглощает загорский эксперимент со слепоглухими детьми. Он пытается экспериментальным образом нащупать момент рождения идеального в пока еще не человеческой, «натуральной» психике, воочию увидеть самое интересное в мире таинство — акт появления на свет человеческого «я». А далее понять законы, согласно которым формируется мир идей и идеалов в душе маленького человека.

«Здесь появляется уникальная возможность с почти математической точностью зафиксировать те реальные условия, на почве которых только и возникают такие феномены, как сознание, самосознание, мышление, воображение, эстетическое и нравственное чувство... Процесс формирования специфичности человеческой психики здесь растянут во времени, особенно на первых — решающих — стадиях, а поэтому может быть рассмотрен под “лупой времени”, как бы с помощью замедленной киносъемки»⁸.

Общий принцип формирования человеческой личности был предельно ясен Ильенкову с самого начала: поскольку субстанцией идеального являются предметный мир культуры, постольку живое тело ребенка необходимо деятельно связать с этим миром. С той же целью

⁵ «Dubrovsky's idea of “subjective reality” reproduces the principal features of the Cartesian conception of the self» (*Bakhurst D. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy: From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov*. Cambridge University Press, 1991, p. 240).

⁶ Вопросы философии. 1968. II. С. 145–155.

⁷ Не потому, что «считал теорию Дубровского не заслуживающей серьезного опровержения (unworthy of serious refutation)», как предположил Бэкхерст (Op. cit., p. 241). Ильенков всерьез полемизировал с эмпиристским пониманием идеального и в «Философской энциклопедии», и особенно в «Диалектике идеального», где немалая доля критики адресуется напрямую концепции Дубровского.

⁸ Ильенков Э. В. Психика человека под «лупой времени» // Природа. 1970. I. С. 89.

педагогами школы Соколянского — Мещерякова был разработан метод «совместно-разделенной деятельности» воспитателя и ребенка. Деятельность эта строится «таким образом, чтобы ребенок постепенно перенимал все те специфически человеческие способы осознанного взаимодействия со средой, которые предметно зафиксированы в формах вещей, созданных человеком для человека»⁹.

Сознание и воля естественным образом возникают тут как формы ориентации в вещественном мире культуры; так же, как простая чувственность (пространственные образы, звуки, запахи и вкусы) служит для ориентации живого существа во внешнем природном мире.

III

Итоги своего многолетнего исследования идеального и его феноменов Ильенков подвел в объемистой рукописи «Диалектика идеального». Идеальное определяется здесь как *отношение между по меньшей мере двумя разными вещами, одна из которых адекватно представляет сущность другой*.

В природе встречаются разные отношения представления. Но это всегда бывает представление каких-либо *внешних свойств* предмета. Даже чувства, эта высшая форма натурального представления, схватывают и удерживают не более чем внешность вещей¹⁰.

Меж тем «идеальной» вправе именоваться лишь форма выражения *сущности* вещей, т.е. законов и причин их бытия. Причем это выражение должно быть чистым и безусловно адекватным. Деятельность человека, труд, выворачивает свой предмет «наизнанку», отсекая плоть его наличного бытия и очищая его сущность от шлака времени, чтобы явить ее на свет в идеально-чистом образе — *sub specie aeternitatis*.

Чтобы выражение сущности вещи было идеально чистым, материалом для него должно стать природное тело какой-либо *другой* вещи. Вещь вручает свою «душу» другой вещи, и та делается ее *символом*. Так дипломат символически представляет свою страну, деньги представляют стоимость всех товаров, а слова — значение разных вещей в культуре.

Идеальное есть представление *в ином и через иное*, притом это всегда *адекватное* представление, и представление самой *сущности* вещей. Как таковая сущность эта материальна. Идеальной является лишь сообща-

⁹ Ильенков Э. В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. 2. С. 74.

¹⁰ Мы говорим об органической чувственности, не касаясь здесь тех *идеальных* чувств человеческого существа, которые, по словам Маркса, сделались *теоретиками*. — «Die Sinne sind daher unmittelbar in ihrer Praxis Theoretiker geworden» (Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 / Werke, Ergänzungsband Erster Teil. S. 540).

емая ей человеческой деятельностью форма «инобытия». Идеальное есть то же материальное, только вывернутое *сущностью наизусть*.

В сознании эта объективная идеальная форма человеческой деятельности обретает *субъективность*, оборачиваясь на себя и рефлектируя самое себя. «Сознание, собственно, только и возникает там, где индивид оказывается вынужден смотреть на самого себя как бы со стороны, как бы глазами другого человека», — отмечает Ильенков¹¹. Орудиями и «зеркалами», при помощи которых совершается рефлексия идеальной формы деятельности в себя, становятся храмы и статуи, книги и рисунки, вычислительные машины и музыкальные инструменты, и в первую очередь — кора больших полушарий мозга.

IV

Со смертью Ильенкова полемика о понятии идеального не окончилась. Дело приняло совершенно новый оборот после публикации в 1984 году рукописи М. А. Лифшица¹². Михаил Александрович принадлежал к старшему, довоенному поколению философов. Занимался он, в основном, эстетикой, был превосходным стилистом и имел энциклопедический склад ума. Лифшиц был дружен с Ильенковым с незапамятных времен, и нелегко понять, отчего он начал «диалог» об идеальном лишь после смерти своего друга.

Главный пункт его возражений Ильенкову состоял в том, что идеальное существует не только в пространстве человеческой деятельности, но и за ее пределами — в составе абсолютно любой вещи: «идеальное есть во всем».

«Идеальным» же Лифшиц именовал «некоторые пределы того, что дают нам наши чувственные восприятия в опыте... Такими пределами является идеальный газ, идеальный кристалл — реальные абстракции, к которым можно приближаться так же, как приближается с окружности многоугольник с бесконечно растущим числом сторон. Вся структура вселенной... опирается на нормы или образцы, достигнуть которых можно только через бесконечное приближение»¹³.

Собственно говоря, это и называется «идеалами» в обычном представлении: совершенный образец чего-либо, недостижимый горизонт, к которому стремится некто или нечто — без шансов на успех. В ранг философской категории это тривиальное представление об идеальном возвел Кант¹⁴, и Лифшиц проследовал по его стопам. Вот только

¹¹ Ильенков Э. В. Дialeктика идеального // Наст. изд. .

¹² Лифшиц Мих. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. 10. С. 120–145.

¹³ Об идеальном и реальном. С. 123.

¹⁴ «Идеал есть для разума прообраз (prototypon) всех вещей, которые... более или менее приближаясь к нему, все же бесконечно далеки от того, чтобы сравняться с ним» (Кант И. Сочинения, Мысль, Москва, 1964. Т. 3. С. 508).

Кант благоразумно остерегся приписывать абстрактным идеалам реальность по ту сторону «возможного опыта», тогда как Лифшиц провозгласил их реальными «опорами» вселенной.

Ильенков именовал «идеальным» нечто совсем, совсем иное. Ему, вслед за Марксом, термин «идеальное» служил для описания особой, «чувственно-сверхчувственной или общественной (sinnlich übersinnliche oder gesellschaftliche)» реальности¹⁵. Лифшица этот феномен «представительства», деятельного замещения одного предмета другим, «идеального полагания» себя как иного, слабо интересовал.

Всякий диалог или спор имеет смысл лишь при условии, что стороны говорят об одном и том же предмете. Любое разногласие предполагает молчаливое согласие — по меньшей мере согласие насчет значения слов. Лифшиц же начинает свой «диалог» с Ильенковым с перемены значения термина. У его «идеального» столь же мало сходства с «идеальным» Ильенкова, как у созвездия Пса с лающим «другом человека». Ильенков ищет идеальные формы в реальной человеческой деятельности, в предметно-практических отношениях между людьми, ну а мысль Лифшица витает в мире абстракций, любуясь там «идеальными кристаллами».

Затейный Лифшицем «диалог» с Ильенковым поэтому бессмыслен. С тем же успехом раввины вступали в «диалог» со Спинозой о Боге — вкладывая в слово «Бог» привычное им самим, библейское, но чуждое философу значение. Желая избежать подобных пустых «диалогов», Спиноза предупреждал, что «между верой, или Теологией, и Философией нет никакого общения или какого бы то ни было родства»¹⁶. Не состоят в родстве и «идеальное» Ильенкова с «идеальным» Лифшица. Слово-то одно — «денотаты» разные.

Тем не менее за истекшие четверть века на тему этого псевдиалога об идеальном написана уйма статей и прочитаны десятки докладов на Ильенковских Чтениях. Вышла уже и книга¹⁷.

V

Самой острой проблемой теории идеального является проблема *адекватных форм* бытия идеального. Ильенков в качестве «типичнейшей и фундаментальной», «чисто идеальной» исследовал стоимостную форму обмена товаров. Отличительная особенность данной формы — в полном равнодушии к своей предметности. «Это — непосредственно универсальная форма, совершенно безразличная к любому

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 82; Werke. Bd. 23. S. 86.

¹⁶ «Inter fidem, sive Theologiam, et Philosophiam nullum esse commercium, nullamve afinitatem» (Tractatus theologico-politicus. Hamburg: apud Henricum Kunraht, 1670, p. 165).

¹⁷ Идеальное: Ильенков и Лифшиц (под ред. Г. В. Лобастова). М.: РГГУ, 2004.

чувственно-осязаемому материалу своего “воплощения”, своей “материализации”. Форма стоимости абсолютно независима от особенностей “натурального тела” того товара, в который она “вселяется”, в виде которого она *представлена*... Она всегда остается чем-то отличным от любого материального, чувственно-осязаемого тела своего “воплощения”, от любой телесной реальности»¹⁸.

Высказанное здесь *логическое* истолкование идеального, кажется, порывает с общепринятым употреблением этого слова и вырастающим из него *эстетическим* пониманием идеального, как чего-то прекрасного, возвышенного и совершенного в своем роде. Многим при чтении этих строк подумалось, что ильенковское «идеальное» — холодная, абстрактно-логическая конструкция, утерявшая всякое родство с началами красоты и нравственности. Иначе как объяснить, что образцовым феноменом идеального у Ильенкова оказывается не живописное полотно, книга или партитура, а столь низменная вещь, как деньги?

В рукописях Маркса мы находим коллекцию уничижительных эпитетов, коими награждали денежную «форму стоимости» Софокл, Гете, Шекспир. Последний, кстати, тонко уловил характерный для денег момент безразличия к натуре вещей, обозвав золото «шлюхой человечества»¹⁹.

Остроумный эстетический опыт проделал И. А. Раскин, предложив «представить себе форму стоимости как художественный образ»²⁰. То место из «Диалектики идеального», в котором говорится о полном равнодушии стоимости к своим воплощениям, Раскин расценивает как «точное, полное описание... нечистой силы, черта, Сатаны». Этот злой гений человечества тоже принимает любую, какую пожелает, личину. Недаром золото прозвано «желтым дьяволом»: разработанный в христианской мифологии и искусстве образ «лукавого» совратителя с легкостью проецируется на деньги.

На это стоит заметить, что не только дьявол, но и любой библейский ангел обладал свойством превращаться во что попало. К примеру, в третьей книге Исхода ангел явился Моисею в образе пламенеющего тернового куста, так сказать, «неопалимой купины». Можно привести массу примеров *положительных* «бесформенных» персонажей античной мифологии: их подробный перечень читатель найдет в Овидиевых «Метаморфозах». Взять хотя бы пастуха тюленей Протея — безликое, но мудрое и доброе греческое божество.

С другой стороны, золото далеко не у всех ассоциировалось с чертами и девицами легкого поведения. У тех же поэтов золото сплошь и рядом упоминается в самых возвышенных фигурах речи. Этот ме-

¹⁸ Диалектика идеального // Наст. изд.

¹⁹ «Common whore of mankind» (Timon of Athens, act IV, scene III).

²⁰ Раскин И. А. Различать духов (деньги и художественный образ) // Наст. изд. .

талл именуют еще «благородным», а идеальные времена благоденствия рода человеческого — «золотым веком». В платоновской «Политии» говорится, что в душах правителей-философов должно преобладать золото.

Гераклит сравнивал с золотом вечный космический первоогонь, от которого происходят вещи: «Всё обменивается на огонь и огонь на всё, подобно тому как на золото товары и на товары золото» [В 90 DK]. Разумеется, Гераклит ведет речь не о химическом элементе аурум, а о принимаемой золотом *денежной форме стоимости*. И эту форму стоимости дедушка диалектики примеряет на космический генезис всего сущего. Он словно предчувствует, тонкой кожей ума ощущает универсальность *логических* определений отношения «товар — золото», *идеальную всеобщность* этой формы рыночных отношений. А дело-то было во времена, когда товарно-денежные отношения страшно далеки еще от всеобщности *реальной*, не успели пока еще превратиться в «классику мира».

VI

Оставляя в стороне аллегории, можно указать еще одну «вещь», вполне и безусловно отвечающую ильенковскому описанию формы стоимости. Это — *понятие*. В классическом смысле этого слова, как форма понимания природы вещей. Понятие, коль скоро дух им располагает, остается вечно одним и тем же в любой из своих бесчисленных материальных личин — в буквах и звуках, числах и линиях, нейронах и электронах. Как и деньги, понятие с *дьявольской* легкостью может менять свое внешнее обличье и находиться в тысяче разных мест в одно и то же время. К примеру, понятие дома наличествует одновременно в голове архитектора, на выполненном им чертеже и в каменном «теле» построенного по этому чертежу здания.

А что за искушение для ума таится в понятии! Дьявол это отлично сознавал: прародителей человечества он соблазнял плодами с древа познания — *понятиями*: «Откроются глаза ваши, и станете вы, как боги, знающие добро и зло». Всё может надоесть, кроме понимания, второй библейскому змею другой знаток человеческих душ, Вергилий.

Понятие — это идеальное «в собственном соку», идеальнее некуда. Понятие явно выглядит более предпочтительным кандидатом на звание формы «типичнейшей и фундаментальной», «чисто идеальной», нежели форма стоимости. Последняя, в отличие от понятия, не является всеобщей формой человеческой деятельности. Свой универсальный характер она обретает лишь в особых исторических условиях, а потому рано или поздно должна его утратить. Форма стоимости родилась в процессе обмена товаров, ее не было прежде и она неизбежно исчезнет, испарится, с прекращением рыночных отношений между людьми.

Не является она, строго говоря, и формой *чисто* идеальной. Ибо у нее нет своего собственного *идеального содержания*. Содержанием стоимостной формы является *материальная* деятельность человека — труд, живой источник стоимости, ее «субстанция».

Маркс, рассуждая об идеальности формы стоимости, явно держал в уме, в качестве логической мерки, гегелевское *Begriffsbestimmung* (определение понятия). Параллель между деньгами и логическими категориями мы находим уже в ранних рукописях Маркса: «*Логика — деньги духа, спекулятивная, мысленная стоимость человека и природы*»²¹. Категории логики сходны с деньгами в своем абстрактном безразличии к индивидуальным особенностям *представляемых* ими предметов, к «потребительной стоимости» последних.

У Лифшица и Раскина истинной меркой идеальности выступает *художественный образ*. Они и деньги меряют этой совершенно чуждой их стоимостной природе меркой. Ничего удивительного, что деньги оказались у Лифшица «материальным отношением», а у Раскина — «превращенной формой идеального»...

Меж тем, деньги, даже если рассматривать их сквозь линзу *эстетического* определения идеального, как «совершенного в своем роде», без проблем выдерживают пробу на идеальность. Только надо рассматривать их *в своем роде*, т.е. строго в пределах породившего их мира товаров, меновых стоимостей. В этом пространстве рынка деньги — *идеальный* товар, прекрасный идеал, на который все прочие товары «бросают влюбленные взоры» (Маркс). Эти платонически-идеальные взоры, бросаемые товарами в сторону денег, суть не что иное, как *цены*. Ну а идеальными деньгами сделалось золото²².

Нелепо, конечно, видеть в деньгах идеал отношений человека к человеку *вообще*. Деньги идеальны лишь *в своем роде*: они были и остаются оптимальной, самой чистой и высшей из всех возможных форм выражения стоимости, и значит — формой *идеальной* во всех смыслах этого слова. Но вся идеальность денег немедленно улетучивается, как только мы покидаем пространство товарных отношений, т.е. тех самых отношений, сущность которых идеальна (*ideale* — абсолютно адекватно) представлена в денежной форме и идеальным (*ideell*) моментом которых являются сами деньги.

В деньгах, рассматриваемых абстрактно, как художественный образ или моральный регулятив, ничего идеального нет. Они идеальны лишь в качестве формы *стоимости*, а не в качестве формы *чувственности*. Деньги идеальны как *экономическая* категория, в которой адекватнее всего «представлена» конкретная историческая форма разделения

²¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / Сочинения. Т. 42. С. 156. «Die Logik — das Geld des Geistes, der spekulative, der Gedankenwert des Menschen und der Natur» (Werke, Ergänzungsband Erster Teil. S. 571).

²² «Ideelles Geld oder Wertmaß wurde das Gold ...» (Das Kapital. S. 123).

труда и собственности. При любом ином, не экономическом, взгляде окажется, что в денежной форме стоимости не представлено ровно ничего существенного. Эстетическому созерцанию открывается там сплошное, абстрактное в своей чистоте *ничто*, гегелевское *das Nichts*. Так деньги превращаются в дьявола — в «образ безобразности» и «лицо безликости» (Раскин).

VII

Что чище, что «идеальнее» среди *всеобщих* форм идеальной деятельности человека? Понятие, или художественный образ, или правило нравственности?

Ясно, что три эти «модуса» идеального бытия — логический, эстетический и моральный — оторвала друг от друга сила абстракции, и по отдельности они существовать не могут. Согласимся и с тем, что все они суть подчиненные, лишь идеальные моменты практической человеческой деятельности, труда, преобразующего как внешний мир, так и самого человека. Об этом превосходно писал Ильенков, посему не станем повторяться. Не о том речь.

Коль скоро идеальное есть форма представления природы вещей, необходимо решить, который из его модусов позволяет представить природу вещей «идеальнее»? Что нам принять за эталон идеальной реальности: понятия, образы или ценности?

Так вот, понятие обладает всего одним, но в данном плане решающим преимуществом перед своими компаньонами. Это — *абсолютная свобода* представления природы вещей, достигаемая благодаря «дьявольскому» равнодушию понятия к своему инобытию. От понятия требуется лишь одно: адекватно выразить суть своего предмета, т.е. быть истинным. А выразить эту суть идеально-пластичная натура понятия позволяет в чем угодно, в любом природном материале.

Ни художественные образы, ни нормы нравственности не могут похвастаться подобной, поистине бесконечной, свободой выражения природы вещей. Их органическая слитность с чувственно-материальными условиями человеческой деятельности есть признак меньшей, по сравнению с понятием, чистоты и «прозрачности» предоставляемого ими вещам идеального инобытия. Но прямо тут же кроется *их* преимущество перед логической формой понятия: возможность непосредственного, чувственно-конкретного восприятия сущности предмета. Это — воспитываемое искусством и нравственностью умение «интегрально», еще до начала рассуждения, схватывать самую суть дела. «Интуиция», без помощи которой не получишь ни одного нового понятия²³.

²³ См. об этом: Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии // Вопросы эстетики. 1964. 6.

Вместе эти три всеобщих модуса идеального, знакомые нам под именами Истины, Добра и Красоты, образуют человеческую душу — личность. Личность человека трехмерна, как и его органическое тело. В личности мы находим непосредственную действительность идеального — «действительность» в гегелевском понимании, как выступившую наружу, явленную сущность.